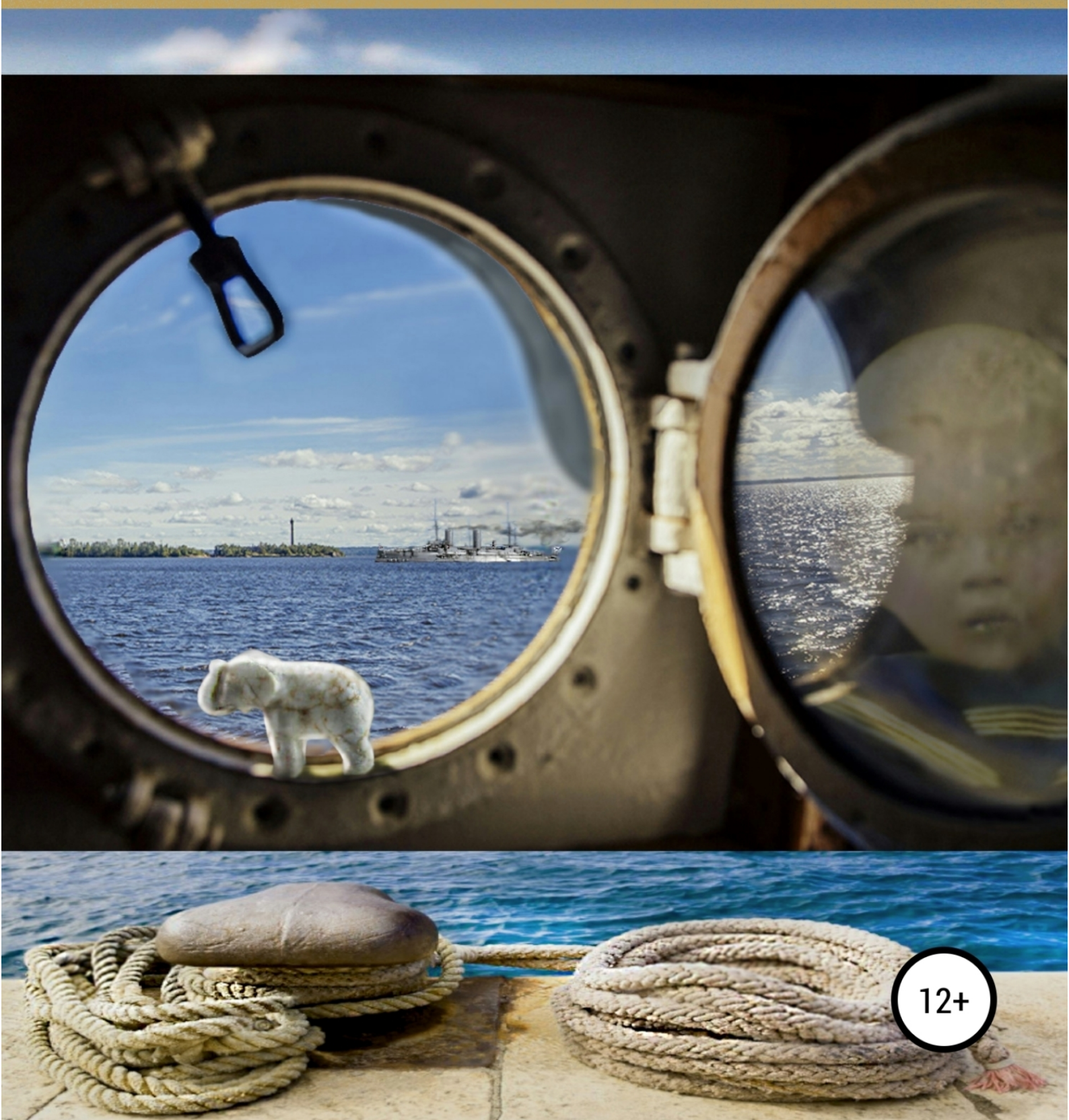

Андрей Иванов
Когда настанет новый день...
Часть первая. Солнце, Воздух и Вода

12+

Андрей Иванов

**Когда настанет новый
день... Часть первая.
Солнце, Воздух и Вода**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Иванов А. Г.

Когда настанет новый день... Часть первая. Солнце, Воздух и Вода
/ А. Г. Иванов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08989-1

Этот небольшой рассказ написан по воспоминаниям моего отца. Здесь описаны его первые детские воспоминания и не только вымышленные мною герои, но и существовавшие в реальности. Главный герой, трёхлетний мальчик Герка, за небольшое время летнего отдыха в деревне, встретит коварных врагов и настоящего друга - пастуха по прозвищу Михалёк, который поведаёт ему о жизни в деревне и расскажет о героической гибели эскадренного броненосца "Слава", на котором он сам, когда-то, служил. Вообще, этот рассказ о том, что никогда не надо отчаиваться, какие бы испытания не посылала нам судьба!

ISBN 978-5-532-08989-1

© Иванов А. Г., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава I. Первые воспоминания	5
Глава II. Борька – горький пьяница	7
Отступление	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Глава I. Первые воспоминания

Грядущий июльский день обещал быть жарким. На небе не было ни облачка, по всему горизонту, от края до края. Звёзды перед рассветом стали бледнее и постепенно угасали. **Солнце** своими первыми лучами, словно длинными тонкими руками, нежно, будто боясь нарушить хрупкую утреннюю тишину, слегка тронуло спокойную гладь Финского залива, его песчаные берега, местами поросшие камышом, погладило макушки деревьев.

Иллюстрация 1. Южный берег Финского залива.

Оно не спеша, задумчиво прошло по травам на лугах, по крышам ещё сонных деревянных домов, лепившихся на высоких и пологих склонах южного берега Финского залива, и с любопытством заглядывало в их занавешенные окна.

На одном из окон солнце задержалось, увидев сквозь кружевные занавески спящего белобрысого мальчонку, больше похожего на небесного ангелочка, чем на дитя человеческое. Оно тронуло его нос, отчего тот поморщился, а на губах заиграла улыбка. Его веки с длинными светлыми ресницами затрепетали, словно крылья бабочки, и распахнулись, открыв миру большие серо-голубые глаза.

Герка, а именно так сам себя называл наш герой, которому совсем недавно исполнилось три года от роду, быстро уселся на кровати, глазёнки его шустро забегали по комнате, ища что-нибудь новое, необычное. Не найдя ничего достойного своего внимания, он взглянул в окно и, улыбнувшись солнцу, сразу понял, что этот день будет необычным, насыщенным приключениями и, конечно, запомнится ему на всю жизнь.

Ну, а раз так – нельзя терять ни минуты! Герка соскочил с кровати, торопливо натянул белую льняную рубашу, стал надевать свои любимые красные штаны, путаясь в ляжке, которую надо было натянуть через плечо. Он сунул ноги в сандалии, которые ему были немного вели-

коваты – мама их купила на вырост, и долго, суетливо копошился с застёжками. Ну вот, дело сделано – оделся...

Герка выскочил из комнаты и, пробежав через большую комнату, обставленную как солидная городская гостиная резной мебелью в стиле ампир из ценных пород дерева, оказался в сенях, где стоял, как ему казалось, огромный умывальник. Его корпус был выполнен из морёного дуба и богато украшен резьбой, а столешница и фартук были из мрамора. По мнению Герки, именно так и должен выглядеть Мойдодыр – умывальников начальник и мочалок командир, о котором ему читала мама. Поэтому Герка с большим уважением относился к этой штуковине, почти как к живому существу, и старался всегда мыть руки перед приёмом пищи, чтобы не прогневать грозного Мойдодыра.

Тщательно умывшись, он взглянул на себя в маленькое овальное зеркало, встроенное в мраморную стенку умывальника.

– У, какой лохматый! – проворчал он, сердито сдвинув брови, а затем, намочив волосы, яростно взъерошил свою короткую причёску и только тогда остался доволен собой.

Теперь можно было и позавтракать. На столе уже томилось, поджидая Герку, свежее парное молоко и недавно сваренная мамой, ещё не остывшая овсяная каша. Всё это было заботливо накрыто красивым вышивным полотенцем. Аппетит у него был отменный. Его никогда не приходилось уговаривать поесть, хотя и обжорой назвать было нельзя.

Расправившись с завтраком с усердием бойца Красной Армии, Герка, едва вытерев руки о полотенце, выскочил в сени и побежал к двери, которая вела во двор. «Вот! – подумалось Герке. – Сейчас всё и начнётся!»

Предчувствие его не обмануло. Выйдя на высокое крыльцо, Герка окинул взором весь двор, окаймлённый хозяйственными постройками, с воротами, ведущими на другую часть огромного участка, где располагался сад с плодовыми деревьями и огород, плавно спускающийся к дороге, идущей вдоль берега залива.

Ничего особенного во дворе не происходило. Единственное, что насторожило, это то, что в дальнем от дома углу двора валялся здоровенный хряк Борька. Да, да, он не лежал, а именно валялся в неописуемо комичной позе, которую даже обсуждать неприлично. Прежде Герка с этим исполином рода свиного не сталкивался, а потому его опасался – кто знает, что ему взбредёт в голову?

Надо сказать, что судьба у Борьки была не простая, и описание его жития могло бы потянуть на отдельный роман. Впрочем, жирно ему будет, чтобы о нём романы да поэмы слагать. Поэтому расскажу о нём лишь вкратце, чтобы можно было понять, отчего у Борьки сформировался именно такой характер.

Нрав у Борьки был довольно капризный и временами агрессивный. И всякий раз, после того как он выплёскивал свою агрессию, у него начиналась меланхолия. Да так ему худо было, что он даже не ел ничего по несколько дней. А так-то пожрать он был не дурак. И не только пожрать...

Глава II. Борька – горький пьяница

Борька родился в соседском свинарнике, то есть изначально его хозяевами были соседи – дядя Сеня и его жена тётя Тоня. Он был самым маленьким и слабым поросёнком в своём помёте и был настолько слаб, что места у мамкиной титки ему не находилось. Более сильные братья и сёстры его легко и бесцеремонно оттирали в сторону, а он лишь жалобно пищал от бессилия. Дядя Сеня и тётя Тоня пожалели полудохлого Борьку и взяли его в дом.

Своих детей у них не было, поэтому всю свою нерастраченную родительскую любовь и ласку они отдали этому маленькому поросёнку. Они ухаживали за ним, как за родным сыном, отпаивали его коровьим молоком. На этом-то молоке Борька и стал расти, как тесто на дрожжах.

Когда же его поселили обратно в свинарник к братьям и сёстрам, он был уже самым крупным и сильным среди них и, похоже, ничего не забыл. Когда все начинали хрюкать и пихаться по привычке у корыта с едой, Борька с невероятным рёвом принимался всех размазывать по стенкам. Сначала, кажется, не все сородичи поняли, кто дома хозяин, но после повторной взбучки все без исключения признали его безоговорочное лидерство.

Теперь, когда тётя Тоня приходила в свинарник кормить своих подопечных, все жались в дальнем углу загона, чтоб чего не вышло, не дай бог, а Борька уже ждал её возле корыта, готовый к приёму пищи. И только когда он наедался до икоты и отваливал от корыта, остальные осторожно, не веря своему счастью, принимались молча и тихонько чавкать свою трапезу. Точнее то, что им оставил Борька. Позже пришлось построить для него отдельный загон. Так было лучше для всех.

Но однажды произошло событие, изменившее Борькину жизнь навсегда. В свинарник вошёл дядя Сеня, держа в руках огромную сорокалитровую бутылку самогона, и поставил её в угол. Потом он принёс ещё одну бутылку и накрыл их старым выцветшим красным покрывалом.

Надо сказать, что дядя Сеня был человеком известным на всю деревню как весельчак, балагур и большой специалист по производству самогона. Он смастерил перегонный аппарат, точнее целую химическую лабораторию, которая занимала половину сарая, где также была небольшая столярная мастерская. Поэтому хранить самогон было негде. Дядя Сеня пытался, было, пристроить две бутылки с результатами своих «винодельческих экспериментов» в доме, но тётя Тоня была категорически против этого – она не выносила жуткий запах, от которого невозможно было избавиться на стадии брожения. Вот так и оказались бутылки с самогоном в свинарнике, возле Борькиного загона.

Однажды вечером перед сном дядя Сеня решил наведаться в свинарник и продегустировать «напиток богов», как он это называл, так как, по его мнению, самогон уже должен был «созреть». Он с нетерпением сдёрнул с бутылей красное покрывало, откупорил одну из них, а затем, аккуратно наклоняя её, налил самогон в большую железную кружку.

Да, «напиток богов» и в самом деле удался! Хмель уже после первой кружки, хорошенько вдарил дяде Сене в голову. Ему стало так хорошо, что и словами не описать. Стены вдруг заплясали в бешеном хороводе, пол стал уплывать из-под ног, а потолок вообще куда-то улетел... В голове у него возникла весёлая дурь, требовавшая каких-нибудь развлечений. Надо было непременно что-нибудь этакое придумать. Но что именно?

За всем этим действием из загона внимательно наблюдала пара маленьких свинячьих глаз. Это Борька, стоя у дверцы загона, молча смотрел на загадочные манипуляции дяди Сени с бутылкой. Может, всё и обошлось бы как-нибудь, если бы Борька, видя, как похорошело хозяину, не подал бы голос.

Он тихонько одобрительно хрюкнул. Этого оказалось достаточно, чтобы привлечь к себе внимание уже осоловевшего хозяина. И тут, глядя на эту благодушную свиную морду, дяде

Сене пришла в голову совершенно шальная мысль. Он решил, что если ему самому так хорошо, то пусть и Борьке тоже будет хорошо!

Дядя Сеня взял с пола большую эмалированную чашу, в которой тётя Тоня замешивает еду для свиней, и налил туда самогона. Он наполовину наполнил чашу и поставил её в Борькин загон. Тот, в свою очередь, даже не понюхав сие пойло, принялся азартно хлебать из чаши.

Глядя на то, как хряк хлебаёт самогона, дядя Сеня хохотал как заведённый и хлопал в ладоши, приплясывая. А когда Борька, осушив чашу, пошатавшись несколько секунд на пухлах ватных ножках, шумно рухнул на бок и заснул, издавая во сне довольно забавные хрипы и стоны, он и вовсе пустил слезу.

– Слабак, совсем пить не умеет! – резюмировал дядя Сеня еле ворочающимся языком.

На следующий день всё было как обычно. Дядя Сеня усердно трудился в своей столярной мастерской, тётя Тоня суежилась по хозяйству. На дворе была тишь да благодать, струился знойный **воздух**, поднимаясь от горячей земли.

Вечером же, дядя Сеня решил повторить вчерашнюю процедуру дегустации, но Борьке твёрдо решил более не наливать. И вот, когда он, выпив свою дежурную кружку «напитка богов», закупорил бутылку и накрыл её красным покрывалом, он вдруг услышал резкие звуки протеста хряка-собутельника. Дядя Сеня не потерпел подобного поведения – он громко гаркнул на Борьку, пригрозив ему кулаком.

Казалось, тот смирился и притих, но на самом деле он затаил глухую обиду на хозяина и решил отомстить ему за «предательство». Ночью на дворе раздался какой-то шум, но никто не обратил на это внимания. А зря...

Потуту тётя Тоня вышла во двор и сразу обратила внимание на то, что дверь в свинарник приоткрыта и там виднеется спина лежащей на земляном полу свиньи. Почувствовав что-то неладное, тётя Тоня осторожно подошла к двери свинарника и заглянула внутрь. Увидев то, что было там, она не знала, смеяться или плакать. Впрочем, не до смеха ей было – это точно.

Дверца Борькиного загона была разнесена вдребезги, и её обломки улетели в дальний тёмный угол свинарника. Прямо у входа валялся сам Борька и мирно спал, намотав на свою голову красное покрывало, которым были накрыты бутылки с самогоном. Справа лежали осколки одной, разбитой бутылки. Вторая, слава богу, была цела. И только теперь тётя Тоня поняла, что Борька не просто спит – он мертвецки пьян. Он даже ухом не повёл, когда хозяйка начала пинать его и истерически вопить с применением нецензурной брани, которой от неё никто и никогда не слышал, как в адрес Борьки-пьяницы, так и в адрес своего любимого мужа, споившего несчастную животину.

Услышав такое, дядя Сеня ушам своим не поверил и немедленно поспешил в свинарник, чуя, что неприятностей ему сегодня не миновать, но, ещё толком не понимая, что же именно произошло.

– А, вот и ты, ирод поганый, явился! – уже охрипшим от крика голосом прорычала тётя Тоня.

– А что тут такое? – пролепетал дядя Сеня. Он, словно контуженный, ошарашенно водил глазами вокруг, осматривая свинарник и постепенно понимая всё произошедшее.

– Вот я тебе сейчас всё разом и объясню! – заявила тётя Тоня, сорвав красное покрывало с головы Борьки, и принялась стегать им растерявшегося мужа. Тот же пытался уворачиваться и как-то по-детски наивно оправдывался.

– Да я-то чего? Я не хотел... Это всё Борька, сволочь!..

Они носились по двору и горланили так громко, что на крики пришёл сосед, Геркин дядя, Антон.

– Сенька, Тоня, вы чего это тут устроили – орёте как оглашенные. На всю деревню позоритесь! Тоня, ну тебе-то не совестно? Вот от тебя-то я такого не ожидал!

Супруги тут же остановились. Слова дяди Антона произвели на них такой эффект, будто их из ушата холодной водой окатили. Они оба, уставшие, мокрые и растрёпанные, тяжело дыша, подошли к забору, за которым стоял сосед, и принялись наперебой жаловаться ему то на Борьку, то друг на друга. И вот они уже снова кричали, жестикулировали, и понять, о чём тут речь, уже было невозможно.

Дядя Антон молча поднял руку и этим жестом заставил замолчать не на шутку разошедшихся соседей.

– Так, а теперь расскажите мне, что тут у вас случилось, только по очереди, – серьёзным тоном произнёс дядя Антон.

Первым решился заговорить дядя Сеня, глядя на соседа исподлобья, словно нашкодивший пацан.

– Антоха, представляешь, Борька-то наш самогона нализался и теперь спит в сарае. Ей-ей, как Мартыныч на пасху!

Дядя Антон сразу вспомнил ту комичную историю с их общим приятелем, местным плотником Мартынычем, которая приключилась с ним однажды на пасху.

Как-то раз на пасху Мартыныч поехал в Ораниенбаум, купил себе пару новеньких хромовых сапог, а потом отправился по разным злачным местам обмывать их. Он тогда так хорошо погулял, что себя не помнил. И когда вернулся в родную деревню, встретил своего закадычного друга, столяра Семёна – дядю Сеню. Они ещё вместе добавили по чарке самогона.

Тогда дядя Сеня тоже шутки ради поспорил с ним, что Мартыныч не сможет пару своих новеньких сапог, только что купленных, закинуть на крышу. Плотник же на любые споры всегда реагировал мгновенно, не думая. Сняв с плеча связанные между собой за специальные петли сапоги, он мощным движением, почти без замаха закинул их на самый конёк крыши.

Дядя Сеня, конечно, расстроился, что поспорил, обещал непременно проставиться и понуро побрёл восвояси. Мартыныч же, осознав одержанную победу, испустил совершенно дикий клич, эхом разнёсшийся по всей деревне, ударил себя кулаком в грудь...

Ну, тут у него потемнело в глазах, сознание свернулось в одну маленькую точку... В общем, упал он без чувств посреди собственного двора, да так и проспал до утра.

Поутру же, проснувшись, Мартыныч долго, шатаясь, ходил по двору и сирым голосом причитал о пропаже своих новеньких сапог. И он, уж было, совсем расстроился, но тут мимо проходил дядя Антон и указал ему на пару сапог перекинутых через конёк крыши. Радости Мартыныча тогда не было предела, и он ещё пару дней гулял по причине обретения своей пропажи.

Вспомнив ту историю, дядя Антон едва сдержал улыбку, но снова сделал строгий вид.

– Антошенька, миленький, – запричитала тётя Тоня, едва не плача, – заberi ты, ради всего святого, Борьку к себе. Раньше-то мы едва могли сладить с ним, а теперь уж тем более не сможем – он точно в запой уйдёт и весь двор разнесёт. А ты мужик для него авторитетный, Борька тебя с детства почему-то больше, чем нас, уважает.

И правда, Борька в детстве любил побеситься, когда жил в доме. Но когда в гости заходил дядя Антон, он вдруг как по команде становился тихим и учтивым, а когда гость уходил, он снова брался за своё.

– Ну, ладно, давайте, а то я как раз всю скотину на общий колхозный двор свёл, что и вам советую сделать, – сказал дядя Антон к неопикуемой радости супругов. Так вот Борька и оказался на дворе, принадлежащем дяде Антону и его братьям и сёстрам.

После этой истории Борька пережил страшную ломку и едва выжил, но характер у него сильно изменился. Он жутко возненавидел красный цвет – для него это был цвет покрывала, которым накрывали проклятые бутылки с самогоном. Видя что-то красное, он впадал в неопикуемую ярость, приступы которой сменялись долгими периодами меланхолии.

Отступление

Дорогой читатель, здесь я сделаю небольшое отступление, чтобы у вас не сложилось ощущение, что в деревне Верхняя Бронна, а именно так называлась эта деревня, жили одни пропойцы и бездельники. Ничего подобного! Напротив, жители деревни были усердными тружатами и истинными православными христианами. Практически все жители деревни были ижорами.

Испокон веков на Южном берегу Финского залива селились финно-угорские племена, а рядом с ними селились и славяне. Побережье буквально всё было усеяно поселениями ижор и води. Они отличались от собственно финнов тем, что ещё в древности приняли православие и имели русские имена и фамилии.

Соответственно, и сама культура у них была очень разная, хотя и ижорцы, и финны прекрасно говорили как по-фински, точнее, ижоры общались на ижорском диалекте, так и по-русски. При этом не было никаких этнических противоречий между русским и финно-угорскими народами, и они не считали друг друга чужими. Более того, общеизвестно, что в древности ижорцы, водь и чудины предупреждали северных славян-новгородцев о приближении скандинавских завоевателей, когда они ещё шли на своих драккарах по Финскому заливу. Так повелось издревле.

Бороться с зелёным змеем жителям Верхней Бронны было ни к чему. Не только здесь, но и на селе вообще иначе было не выжить: плохо потрудились – год живи на хлебе и воде. Да и хлеба-то где взять? Кто ж тебя кормить-то будет? То-то и оно, что никто. Так что пить горькую особо было некогда. Но иногда, конечно, некоторые товарищи позволяли себе хорошенько повеселиться и не без горячительных напитков. Ну, тут и начинались разные приключения, как у Мартыныча и дяди Сени, которые потом обрастали выдуманными подробностями и превращались в местные легенды, похлеще финского эпоса «Калевала» и русских народных сказок.

А какие талантливые люди здесь жили! Например, дядя Сеня был столяром и делал великолепную резную мебель. Не хуже, чем в Эрмитаже. Ещё до революции, когда был жив Геркин дед Михаил, дядя Сеня сделал для него целый мебельный гарнитур из красного дерева для гостиной и того самого Мойдодыра, которого так почитал Герка. Дед Михаил был зажиточным крестьянином, если не сказать – богатым: он мог себе позволить закупить дерево ценных пород и оплатить недешёвую работу столяра.

Дядя Антон – родной дядя Герки – был талантливым организатором и самой харизматичной личностью в деревне. Эту самую харизму он унаследовал от своего отца. Он был невысокого роста, как и все в их семье, обладал благородной внешностью и был внешне похож на офицера царской армии.

Это сходство особенно усиливалось благодаря аккуратно постриженным тонким усикам и прямой осанке, будто он всю жизнь провёл на гвардейском плацу в постоянных строевых и ружейных упражнениях. Но в армии он никогда не служил – такая статья у него была от природы. А его взгляд мог уgomонить самого дерзкого наглеца. Мало кто мог долго прямо смотреть ему в глаза, особенно зная за собой какую-то вину. Кстати, именно он одним из первых в уезде создал в деревне колхозное хозяйство и собственным примером весьма успешно агитировал крестьян вести свою скотину на общий колхозный двор и активно участвовать в развитии общего хозяйства.

Геркин отец, Пётр, тоже был весьма талантливым человеком – он великолепно рисовал карандашом, как и все его братья. Так уж устроила природа, что многими поколениями от отца к сыну передавался художественный вкус и талант в этой семье. Но, к сожалению, никто из них даже не пытался развить в себе эти способности. Все воспринимали это как умение, не

имеющее практического применения, а значит, не относились к этому серьёзно. А на гитаре Пётр играл лучше всех в округе и был настоящим виртуозом.

В возрасте пятнадцати лет, оставшись без отца и матери и будучи ещё не созревшим для самостоятельного ведения крестьянского хозяйства, он вынужден был переехать в Кронштадт. Туда его позвала старшая сестра, которая вышла замуж за флотского офицера, капитана первого ранга, направленного туда почти сразу после подавления кронштадтского мятежа. Пётр сразу устроился на Кронштадтский паровой завод, в первый цех, и очень быстро прошёл путь от ученика слесаря-судокорпусника до высококлассного специалиста в этом деле.

Теперь он живёт в Кронштадте со своей семьёй и лишь иногда приезжает в родную деревню на время отпуска. Вот и сейчас Пётр приехал вместе с женой и двумя детьми, сыном Геркой и дочкой Алисой, провести отпуск там, где родился и провёл всё детство и юность. Да, юность у Петра закончилась, едва начавшись, в том возрасте, когда у других она только начинается. Ему пришлось рано повзрослеть и научиться заботиться о себе и своих близких самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.